

Robin S. SHARMA

РОБИН

ШАРМА

**УРОКИ
СЕМЕЙНОЙ
МУДРОСТИ**

от монаха, который продал свой «феррари»

Кто не мечтает о счастливом браке?

Кто не желает счастья своим детям?

Но мало кто знает, как сделать семейную жизнь по-настоящему свободной, яркой и насыщенной. В этой удивительной книге Робин Шарма открывает очень важный секрет семейного счастья: каждый из членов семьи должен развивать и совершенствовать, прежде всего, самого себя! Описанные в этой книге универсальные принципы, упражнения, практики помогут построить действительно счастливую семью, в которой хорошо, радостно и уютно всем ее членам, а также воспитать своих детей в духе свободы, созидания и творчества.

Робин Шарма

Уроки семейной мудрости от монаха, который продал свой «Феррари»

Это книга о том, как прожить жизнь по-настоящему. Жизнь – игра, но игра серьезная. В ней выигрывает тот, кто не боится рисковать и ломать стереотипы. В первую очередь – стереотипы собственной жизни. Книга Робина Шармы меня заставила серьезно задуматься о жизни. Она заставляет задать себе вопрос: «так ли я живу, как мне того действительно хочется?» Обязательно читайте ее, она придаст вам мужества!

Евгений, 37 лет,

Москва

Хотя эта книга и называется «Уроки семейной мудрости», она – отличный «мотиватор» для любого человека! А не только для тех, кто уже обзавелся собственной семьей. Шарма заставляет многое пересмотреть и вызывает желание «начать жизнь по-новому». В книге есть практические и реально работающие советы, как изменить самого себя, а значит, и собственную жизнь!

Алина, 32 года,

Санкт-Петербург

По моему мнению, это настольная книга всех родителей! Стоит ли читать эту книгу тем, у кого еще нет ни семьи, ни детей? Обязательно! Практическая польза и огромный положительный заряд эмоций вам обеспечены.

Ольга, 29 лет,

Воронеж

Эта книга просто взрывает сознание! Она – для тех, кто пребывает в постоянном упадке духа. Она – для тех, кто живя под одной крышей с другими людьми, ничего о них не знает. Она – для тех, кто не знает самого себя. Словом, эта книга предназначена для всех нас!

Роман Денисов, 24 года,

Пермь

Для меня настоящим откровением этой книги стали слова Робина о творчестве. Что такое творчество? Это способность видеть то, чего не видят другие! Дети –

прирожденные творцы, потому что они действительно способны видеть то, чего мы, взрослые, не замечаем. Надо только не задуть эту искорку творчества в ребенке, а, наоборот, возвращать ее. Мудрая, глубокая книга о воспитании детей.

Рик Харрисон,

Сидней

О чем эта книга? О том, что каждый человек ищет собственную уютную норку – вместо того, чтобы, реализовав все свои таланты и способности, сделать этот мир лучше. Почему так происходит? От трусости, а еще от незнания, как это сделать. Если вы боитесь действовать – купите эту книгу. Робин Шарма подскажет вам, с чего начать!

Оксана Паньч,

Белоруссия

Я прочитала все книги Робина Шармы на русском языке. Каждая книга – уникальна. В каждой книге столько мудрости, что порой удивляешься, из какого источника автор черпает это богатство! Рекомендую всем!

Светлана, 51 год,

Кострома

Каждый человек, прочитав эту книгу, узнает свои собственные ошибки и промахи. Мы все надеемся на то, что жизнь сложится «как-нибудь сама». Но это не так! Наша жизнь, наша семья, все, что нас окружает – это отражение нас самих. И если мы хотим, чтобы наш мир стал лучше, нам нужно самим вырабатывать в себе нужные качества.

Джон Макгвайер,

Сан-Франциско

Отличная, вдохновляющая книга! Робин рассказывает, как растить детей в безопасной и здоровой среде. Для этого нужно всего лишь сосредоточиться на индивидуальных качествах ребенка, его способностях и предпочтениях. Робин Шарма рассказывает все это простыми, но удивительно мудрыми словами. Главное – установить доверительные отношения между родителями и детьми. Казалось бы, так просто! Но как это сложно...

Илакши С. Патель,

Индия

Казалось бы – тема семейной жизни уже давно разработана и описана. Но книга Шармы – это что-то необычное! Не ждите, что вам дадут совет, как построить правильные отношения с супругом или воспитать ребенка. Но зато вы узнаете, как

воспитать самого себя! Когда вы сами станете ЛИЧНОСТЬЮ, то поймете, как вам вести себя со своими домашними.

Николай, 33 года,

Екатеринбург

«Люди не протянут тебе руку, пока не завоюешь их сердце». Как это верно! И это работает на 200%! В работе, в семье, в любви и в дружбе – везде! Обращаться надо прежде всего к сердцу, а потом – к разуму. Если бы мы всегда помнили об этом, мы все были бы счастливы!

Мозес Зудерман,

Чикаго

Больше всего меня в этой книге поразило то, что, оказывается, быть честным человеком – выгодно. Действительно, когда не надо врать, все становится намного проще! Мы просто боимся быть честными с собой и с людьми. А ведь без этого ничего хорошего не выйдет!

Лена Телешева, 18 лет,

Муром.

Отличная книга, рекомендую ее всем своим знакомым! Что важно для воспитания детей? Самое главное – разговаривать с ребенком и обращать внимание на то, что он любит. А еще – смеяться! Смех мгновенно сокращает дистанцию между людьми. А ведь как важно быть близким со своим ребенком! Прекрасная книга, я посоветовала ее всем своим знакомым, у которых есть дети!

Саманта Росс,

Калифорния

Книга написана легко и увлекательно, местами я посмеялся от души. Но это – одна из самых серьезных книг, которую я прочитал в жизни. Я понял, что нет неважных решений. Каждое мое решение определяет то, что случится со мной позже. Есть о чем задуматься!

Игорь Соловьев, 41 год,

Иркутск.

Эту книгу я посвящаю своим необыкновенным детям, Колби и Бианке, которые стали для меня величайшими и мудрейшими учителями на жизненном пути. Ребята, я вас очень-очень люблю. Кроме того, книга эта посвящается моему дорогому другу и коллеге, покойному Джорджу Уильямсу, – тому, кто изменил к лучшему жизнь множества людей, но покинул наш мир прискорбно рано. И наконец, я посвящаю эту книгу тебе, дорогой читатель. Пусть уроки и наставления, которые ты найдешь на этих страницах, вдохновят тебя, помогут стать мудрее как человеку, лучше как родителю, авторитетнее как лидеру семьи. Надеюсь, благодаря моим стараниям ты сможешь стать для своих детей прекрасным примером, и они со временем научатся жить правильно, праведно и будут стремиться к высшим целям.

Сто лет назад никому не было бы дела, сколько денег у меня на банковском счету, роскошно ли мое жилище и автомобиль. Но мир мог бы измениться к лучшему благодаря тому, что я играл важную роль в жизни ребенка^[1].

Неизвестный автор

Кто остается в сердцах людских, тот не умирает.

Томас Кемпбелл

Благодарности

Прежде всего я должен поблагодарить множество людей по всему миру, которые прочитали мои книги из серии «Монах, продавший свой “феррари”» и сумели не просто воспользоваться обретенной мудростью в своей жизни, обогатив ее, но и помогли окружающим. Я был счастлив получить ваши многочисленные письма, бумажные и электронные, и узнать, как мои уроки помогли вам на жизненном пути. Вы молодцы, что нашли в себе мужество измениться, нашли силы для личностного роста и для того, чтобы стать лидерами. Я вас очень уважаю.

Особая благодарность – моим друзьям в издательстве «HarperCollins», которые поддерживали, поощряли и вдохновляли меня в ходе работы над этими книгами. Спасибо Айрис Тюфолм, Клод Примо, Джуди Брунсек, Дэвиду Миллару, Ллойд Келли, моему издателю Доре Поттер, Мэри Кэмпбелл, Нейлу Эриксону, Паулине Томпсон и особенно Николь Ланглуа, моему внимательному, мудрому и чудесному редактору.

Я также выражаю признательность своему секретарю Энн Грин, которая помогала мне удачно утрясти расписание, пока я работал над книгой, а также Ричарду Карлсону, коллеге, который живет в соответствии со своей миссией и принципами, и еще моему другу Малькольму Маккиллопу, который любезно предоставил мне кров в своем уединенном доме у озера, чтобы я смог в спокойной и вдохновляющей обстановке закончить книгу.

Огромное спасибо и моим наставникам и учителям, в том числе Джерри Уэйнеру, Эду Карсону и Лорне Кларк, которые помогли мне не сбиться с курса и вести свою линию. Кроме того, я благодарен всем своим клиентам, с которыми имел счастье поделиться своими открытиями на конференциях. Вы – мудрые и дальновидные люди, которые делают хорошее дело ради других.

Моя сердечная благодарность Джил Хьюлетт, настоящему светочу. Я глубоко признателен своим родителям, Шиву и Шаши Шарма, – прекрасному примеру превосходных отца и матери. Спасибо вам за ту любовь, поддержку и доброту, которые вы изливали на меня. Спасибо тебе, мой брат Санджай, и твоей замечательной жене Сьюзен: вы всегда были рядом, когда я в вас нуждался. И наконец, спасибо моим детям, Колби и Бианке, – вы подарили мне огромную радость.

Мое великое пробуждение

История Кэтрин Круз

В большинстве своем мы опасаемся навсегда стать такими, какими бываем лишь изредка, в самые совершенные мгновения жизни.

Абрахам Маслоу

Самое печальное и прискорбное в жизни – вовсе не смерть. Гораздо печальнее то, что, пока мы еще живы, мало кому из нас удастся жить по-настоящему. Слишком многие из нас живут зашоренно, боятся, образно говоря, делать крупные ставки в жизненной игре и не позволяют проявляться человечности и широте своей души. С годами я усвоила: главное в жизни – не то, сколько денег ты накопил или сколько игрушечных автомобильчиков в твоей коллекции, а сколько своих талантов ты не зарыл в землю, но реализовал на благо мира. Важно то, сколько жизней ты изменил к лучшему и что ты оставил после себя. Как прекрасно сказал Лев Толстой: «Если живешь только для себя, то живешь одной частичкой своего истинного “я”. Если же живешь для других, то чувствуешь, как твое “я” расширяется».

У меня ушло целых сорок лет на то, чтобы осознать эту простую мудрость. Целых сорок лет, прежде чем я поняла: настоящий успех – это не то, чего достигают, добиваются, выгрызают у жизни зубами. Подлинный успех приходит сам собой, проливается на твою жизнь благодатным дождем, и происходит это само собой, когда помогаешь другим людям. Стоит лишь произвести перенастройку в душе и в сознании и перестать жить ради выживания, но избрать более высокую цель – жить ради служения окружающим, и Мироздание непременно подарит вам успех. До сих пор мне с трудом верится, что я полжизни успела прожить, прежде чем поняла эту простую мудрость, а именно: по-настоящему реализуешься как человек не тогда, когда попадаешь на первые страницы газет и журналов, особенно деловых, и в выпуски новостей, посвященные богатым и знаменитостям. О нет! Подлинная самореализация и исполнение своей жизненной миссии заключаются совсем в другом: в том, чтобы ежедневно и радостно совершать пусть небольшие, но достойные и благородные поступки, всякий раз, когда представляется случай. Мать Тереза, величайший авторитет для всех людей доброй воли, сказала: «Нет великих деяний, есть лишь малые деяния, которые подкреплены любовью». В свой срок я усвоила этот урок, но с каким же трудом и какой дорогой ценой!

До недавнего времени я была полностью погружена в будничную борьбу за выживание и успех. Я так старалась жить в достатке, что жизнь проходила мимо. Изнемогая от усилий, гналась я за большими радостями и второпях упускала из виду маленькие – те, из которых, собственно, и состоит волшебная ткань жизни и которые мы часто попросту не замечаем. Я жила как в лихорадке, каждый день у меня был расписан по часам и даже по минутам, мозг не справлялся с нагрузкой, а что касается души – она была в полном забвении. Откровенно говоря, хотя я по всем признакам и добилась внешнего успеха, но духовно влачила жизнь нищего и, можно сказать, в плане самореализации как личность потерпела крах. Я была человеком старой закалки, которого воспитывали по совершенно определенным правилам: ты считаешься

состоявшимся и успешным, если добился финансового благополучия, купил престижный дом и автомобиль, занимаешь важный пост, имеешь солидный счет в банке. Я судила о ценности того или иного человека по этим внешним критериям, а не по мерке духовности: толщина бумажника была для меня важнее широты души и кругозора. Вероятно, ты, читатель, сочтешь, что я была малоприятной особой. Осмелюсь возразить: я была просто категорически невежественна и понятия не имела, в чем подлинный смысл и сладость жизни, и не знала, как надо жить, а годы между тем все шли да шли. Может быть, я общалась с похожими на меня людьми, но так или иначе, а все мои деловые знакомые исповедовали такую же жизненную философию.

Мы все тратили почти все свое время на то, чтобы карабкаться все выше и выше по карьерной лестнице, а вершина ее, как нам мечталось, должна привести к великолепному начальственному кабинету, шикарной вилле у моря да еще, пожалуй, домику в горах. Все мы хотели одного: прославиться, обзавестись почитателями и почестями. Но главное – разбогатеть. И превыше всего мы хотели, чтобы нас любили. Хотя в принципе и теоретически я собиралась когда-нибудь, в обозримом будущем, создать семью и родить детей, но в минуты, свободные от дел, снова и снова грезилась о том, что в один прекрасный день увижу свою фотографию на обложке журнала «Форбс» или «Фортуна» а под фотографией будет подпись: «Кэтрин Круз: генеральный директор, которая нарушила все правила и всё же выиграла». Да, в мечтах мне рисовались именно слава и богатство и успех, а вовсе не прелестные детишки, с которыми я резвилась на лужайке и играю в спортивные игры. По дороге на работу я неизменно твердила аффирмации наподобие: «Сегодня будет лучший день моей жизни» или: «У меня ум миллионера и сердце бойца». Я так и вижу, читатель, как ты неодобрительно качаешь головой. Но поверь, тогда я стремилась к успеху настолько яростно, что была готова на все. Я говорила то, чего от меня ждали, делала то, что было выгодно, и шагала по головам, лишь бы пробиться, – и горе тому, кто оказывался у меня на пути. Не буду утверждать, будто горжусь собой тогдашней. Я просто хочу откровенно и без прикрас поведать тебе, читатель, какой я была. А была я безжалостной, жесткой, амбициозной и зависимой. Свое сердце я заперла на ключ и не позволяла себе никаких сантиментов, потому что твердо решила: мир жесток, и чтобы чего-то в нем добиться, надо соответствовать. Хотя это был мир, который я выстроила вокруг себя сама. Жизнь моя целиком и полностью определялась работой, и я знала, что неизбежно достигну вершин успеха. На стене в моем кабинете висело изречение знаменитого американского поэта Генри Лонгфелло, которое я считала своим жизненным кредо:

*Жизнь великих призывает
Нас к великому идти,
Чтоб в песках времен остался
След и нашего пути.*^[2]

О, разумеется, и я, и мои однокашники, вместе с которыми я когда-то получила диплом магистра делового администрирования, прекрасно выучились с важным видом говорить пустые и красивые фразы вроде «Люди – прежде всего» или «Всем неважно, сколько ты знаешь, важно, широкая ли у тебя душа», – затасканные фразы, которые мы произносили машинально, не вдумываясь в их смысл и не веря в них. Мы вызубрили эти фразы, которые по сто раз слышали от лощеных консультантов или преподавателей бизнеса, исполненных лучших побуждений. Но в глубине души каждый из нас руководствовался единственным желанием: действовать только в своих личных интересах, добиваться своих целей, воплощать свои мечты и надежды, и неважно, скольких придется распахать локтями и посшибать с ног на пути к желанному успеху. Так мы

пожертвовали своими душами ради профессиональных высот и богатства. Все свои силы, умственные, физические и душевные, мы вкладывали в работу. И хотя сейчас мне неловко в этом признаваться, но по молодости такая гонка была мне в радость и даже забавляла. Нет, правда, было весело. В студенческие годы я всегда была круглой отличницей, и поэтому после выпуска у меня был прекрасный выбор: лучшие компании предлагали мне интересные должности. Будучи по натуре бунтаркой, я привередничала и отвергала их выгодные предложения и оклады, – к большому огорчению матушки, которая искренне считала, что дочка спятила. Но я твердо помнила совет одного из любимых преподавателей, который и сам в профессиональном смысле предпочел избегать проторенных троп. Он, бывало, говорил: «Будете искать идеальную работу и должность, не спрашивайте себя: “Что, я правда хотел бы работать в этой фирме?”, а задавайтесь вопросом: “Хотел бы я владеть такой фирмой?”» Следуя его совету, я остановила свой выбор на менеджерской позиции, обещавшей стремительную карьеру, в малоизвестной фирме финансовых услуг с большим потенциалом. Никогда не стоит недооценивать силу опциона на акции, ведь она для кандидатов на должность в фирме все равно что магнит для железа.

Каждое утро ровно в 5:15 мой сверкающий черный «мерседес» – поощрительный бонус, который перепал мне как новичку от начальства, стремительно влетал на подземную парковку 70-этажного офисного здания, сплошь стекло и металл. В этой башне мне предстояло провести ближайшие несколько лет. Я шагала к лифту, держа в одной руке элегантный портфель из крокодиловой кожи с документами, в другой – свежий номер «Уолл-стрит джорнал». Я поднималась на шестьдесят второй этаж, в офис, ставший мне домом. В кабинете я проверяла автоответчик, перезванивала, разбирала почту, а затем проводила 16–18 часов в состоянии повышенной тревожности и душевного раздрая. Мне не было еще тридцати пяти, а меня уже трижды повысили в должности, и вот, наконец, я вице-президент компании. К этому «прилагались» все тридцать три удовольствия: я облетела весь мир первым классом, я была на коротке с представителями элиты делового мира, я ужинала в лучших ресторанах и заключала сделки, прослышав о которых мои сверстники зеленели от зависти. Наконец я дослужилась до роскошного персонального кабинета и воплотила свою мечту – купила прелестный домик-шале в горах во Франции (все это благодаря опциону на акции, который, как я и предполагала, сделал меня богачкой). Несколько лет назад мы, сплоченный кружок однокурсников, запустили в Интернете сайт, который назвали «BraveLife.com», то есть «Живи отважно». Наша фирма обеспечивала корпорации дерзкими стратегиями по обучению и повышению квалификации сотрудников, – эти услуги пользовались бешеным спросом, потому что конкуренция тогда царил дикая. Сайт мы запустили просто для развлечения, но тем не менее клиенты слетались на него как мухи на мед, и за считанные месяцы наше начинание получило такую широкую известность, что упоминалось практически во всех деловых изданиях страны. Эксперты утверждали, что наша фирма – идеальный кандидат для предложения ценных бумаг широкому кругу инвесторов. Клиентов становилось все больше. Нас ждало огромное богатство. Сбывались мои мечты, воплощались наяву мои грезы о славе, богатстве и успехе. Меня будут уважать, предо мной будут преклоняться, меня будут любить! Я могла себе позволить любую дорогую вещь, любую роскошную прихоть и наконец-то получила возможность стать сама себе хозяйкой и жить как пожелаю. Но чем ближе и стремительнее я подходила к пику своих достижений и благосостояния, тем тяжелее почему-то становилось у меня на душе. Просто руки опускались. Как бы я себе ни лгала, а я была несчастнейшим человеком. Седьмой год пошел браку, в котором не осталось и следа страсти или хотя бы эмоциональной привязанности. Со своим мужем, Джоном Крузом, я познакомилась на тренинге в экстремальных условиях: компания, в которой я работала, послала туда всех топ-менеджеров, чтобы отточить наши лидерские навыки на лоне дикой природы, в горах, и вообще проверить нас на вшивость. Джон тогда был

предпринимателем и приехал в горы в поисках вдохновения. Мы оказались в одной команде (командные навыки в этом тренинге тоже отрабатывались), и нам предстояло вместе одолеть подъем на крутую скалу, да еще кромешной ночью. Джону понравилось мое упорство и бесстрашие, а мне мгновенно запали в душу его кротость и жизнерадостность. Мы оба влюбились очертя голову, и, нарушив все свои принципы, шесть недель спустя я вышла за него замуж, хотя раньше давала себе зарок не совершать ничего сгоряча.

Джон был порядочным и хорошим человеком, но его угораздило родиться в мире, где порядочность и широта души уже давно не ценятся. Поначалу мы души друг в друге не чаяли, но годы шли, и постепенно между нами возникло отчуждение, которое с ходом времени все усугублялось. Джон обожал все, что связано с природой, любил проводить время на воздухе, а я предпочитала шикарные рестораны и модные показы самых престижных марок. Джон был завзятым книголюбом и старательно собирал прекрасную библиотеку, а еще он любил вырезать по дереву, уединившись на заднем дворике нашего дома. У меня были другие хобби: изящные искусства и коллекционирование тонких вин. Однако к распаду наш брак привела вовсе не разница интересов. Дело было в другом: я почти не бывала дома и уделяла мужу мало времени. С работы я возвращалась поздно, измотанная, и Джон в это время обыкновенно уже спал. А вставала я так рано, что, когда Джон просыпался, я уже давно успевала укатить на работу в своем роскошном «мерседесе».

Вот и получалось, что жили мы под одной крышей, но каждый своей жизнью, каждый сам по себе. Впрочем, упадок духа у меня был не только из-за тупика, в который зашли отношения с мужем. Ведь были еще и дети! Двое прелестных малышек, которые – я точно знала – страдали, потому что мало видели маму. Меня мучили угрызения совести, я считала себя черствой эгоисткой. Дети ни словечка не говорили мне, не жаловались, что я слишком подолгу бываю на работе, но в их печальных глазенках отчетливо читалось глубокое горе и разочарование. Им нужна была мама, им жизненно необходимо было больше со мной общаться. Да, они называли меня «мамой», но я не была им хорошей матерью. И это меня мучило и порождало ощущение, что живу я впустую.

Нашему сыну Портеру только-только исполнилось шесть, а дочка, Сарита, была трехлетней крошкой. Я знала, что именно в этом, раннем, возрасте у ребенка закладывается фундамент характера и потому очень важно уделять детям как можно больше внимания. На этой стадии развития ребенку необходимо, чтобы его окружали любящие и внимательные взрослые, которые бы подавали ему хороший пример того, как важно быть добрым и порядочным, а также преподносили уроки мудрости неокрепшим детским душам, закладывали в детские умы базовые представления о том, что такое хорошо и что такое плохо. Я прекрасно знала, что впоследствии мне суждено будет горько пожалеть о каждом дне и часе, проведенном на работе, вдали от малышек, но по какой-то непостижимой причине не могла вырваться из офиса и цепких щупалец – профессиональных обязательств, которые налагала на меня работа. Я была одержима комплексом перфекционистки.

«Жизнь – это лишь череда дверей, каждая из которых открывает тебе какую-нибудь возможность. Вместе они и образуют твою жизнь», – говаривал мой мудрый папа. Конечно, здравый смысл подсказывал мне, что сын и дочка уже никогда не будут малышами, что детство бывает только один раз, и что сейчас я преступно теряю их – именно тогда, когда они во мне больше всего нуждаются. Стоит окошку возможности под названием «воспитание детей» захлопнуться, и оно больше не откроется – я упущу свой единственный шанс заложить основу характера детей, научить их моральным ценностям, чтобы впоследствии они смогли жить достойно и правильно. Я не сумею толком воспитать их, если не займусь ими сейчас. Это я понимала, как понимала и то, что никогда не прощу себя. Думаю, у меня просто не хватало

мужества изменить свой безумный ритм жизни, потому что я боялась остаться наедине со своими мыслями, страшилась задуматься: а какова же моя система ценностей, каковы мои моральные и духовные приоритеты? Недоставало мне и мудрости, чтобы понять: безумный ритм жизни – следствие моих приоритетов: раз я поставила превыше всего карьеру и богатство, то и кручусь как белка в колесе и не вижу детей. Но вот этого-то я тогда и не понимала! Я всеми силами пыталась сбавить обороты, сбросить скорость, зажить гармонично, но мне это не удавалось. Я чувствовала, что не смогу жить без лихорадочного азарта и ощущения собственной важности, которые дарил мне работа в бешеном ритме. Хотя вслух я охотно и часто заявляла: «Семья прежде всего», но на деле ежедневно нарушала этот принцип. То, как я выстроила свою жизнь, доказывало: дети и муж у меня на последнем месте, а на первом – карьера, тщеславные амбиции и желание разбогатеть еще больше.

Мой худший лучший жизненный опыт

Продолжение истории Кэтрин Круз

Если бы мне позволили прожить жизнь заново, я бы прожила ее иначе. Я бы чаще отдыхала и больше расслаблялась. Я бы почаще делала глупости. Я бы чаще поднималась на горы, плавала в реке и любовалась закатом. Я бы пережила больше настоящих трудностей и меньше – высосанных из пальца проблем. Конечно, у меня в жизни были счастливые мгновения, но случись мне жить заново, уж я бы постаралась, чтобы их было побольше. Вообще-то я бы постаралась, чтобы жизнь только из них и состояла. А, и еще забыла: я бы чаще собирала цветы.

Надин Стейр, 89 лет

В большинстве своем люди открывают для себя, что такое жизнь, лишь на закате лет, а то и прямо перед смертью. Очутившись на пороге смерти, они внезапно осознают конечность человеческого существования и понимают, как много упустили. В этом смысле жизнь – жестокая штука. Часто случается так, что все свои щедрые дары она подносит нам лишь тогда, когда мы достигнем весьма преклонных лет. В молодости, когда перед нами вся жизнь, мы проживаем ее «начерно», откладывая настоящую жизнь «на потом». Мы говорим себе что-нибудь вроде: «На следующий год я буду чаще бывать на природе, больше внимания уделять любви. На следующий год я буду уделять больше внимания детям и прочту, наконец, классиков литературы. На следующий год я буду чаще любоваться закатами и постараюсь завязать дружеские отношения покрепче и с более достойными людьми. Но сейчас мне не до того – куча дел, куча встреч». Мы даем себе зарки, типичные для нашей эпохи. Так твердит едва ли не каждый. Что ж, я пришла к выводу, что если вы не займетесь жизнью, то она займется вами. Дни летят незаметно, превращаясь в недели, недели – в месяцы и годы; не успеете опомниться, а жизнь уже подошла к концу! Вы понимаете, к чему я клоню? Ничего сложного нет в том, чтобы **ПЕРЕСТАТЬ ЖИТЬ КАК ПОПАЛО, ОТКЛАДЫВАЯ ВСЕ НА ПОТОМ, А ЖИТЬ КАК ДУША ПРОСИТ И КАК САМ ЗАПЛАНИРОВАЛ.**

Перестаньте мечтать о вещах, которые можете сделать прямо сейчас. Начните наполнять свою жизнь подлинным смыслом и содержанием. Станьте духовно и эмоционально богаче, постройте для себя ту реальность, к которой призывает вас голос сердца. Не теряйте времени, начните прямо сегодня – начните ту самую жизнь, чтобы не сожалеть о несбывшемся на смертном одре. Перефразируя знаменитое изречение Марка Твена, живите так, чтобы на ваших похоронах рыдали даже представители погребальной конторы.

Мы живем в странном мире. Цивилизация достигла такого развития, что можно выпустить ракету и едва ли не с миллиметровой точностью попасть в цель, но при этом нам трудно перейти на другую сторону улицы, чтобы завязать знакомство с соседом-новоселом. Мы отдаем больше времени телевизору, чем собственным детям. Мы твердим, как хотим изменить мир, но

не в состоянии изменить самих себя. Нам кажется, будто впереди целая вечность, но внезапно выясняется, что жизнь подходит к концу, и вот тогда-то у нас появляется возможность неспешно поразмыслить о прожитом и мы начинаем перебирать упущенные шансы. «Я изведаль мгновения радости, но их могло бы быть куда больше. Я проявлял доброту, но недостаточно, надо было быть еще добрее. Я мог бы прожить жизнь иначе, другим человеком», – горестно думаем мы.

Но увы – уже слишком поздно. В большинстве случаев мы пробуждаемся к жизни лишь тогда, когда веки нам уже вот-вот смежит вечный сон.

К счастью, мне повезло – я пробудилась раньше.

Дело было так. Я спешила на конференцию в Сан-Франциско, где мне предстояло представить наш сайт «BraveLife.com» и рассказать о его успехе. Я едва не опоздала на рейс, потому что разразился настоящий снежный буран и весь город стоял в пробках. Все-таки я успела буквально в последний момент попасть на борт самолета. Я и двое моих коллег, с удобством расположившись в мягких креслах первого класса и попивая превосходное вино, завели беседу о том, как лучше провести презентацию. Так мы проболтали с полчаса, а потом на меня навалилась усталость после напряженного рабочего дня, и, извинившись, я сказала коллегам, что, пожалуй, подремлю.

Разбудил меня голос капитана в динамиках: «Уважаемые пассажиры, наш самолет проходит зону турбулентности. Будьте любезны, пристегните ремни, поднимите кресла, уберите откидные столики и наберитесь терпения». Инструкция была стандартная, шутливая попытка подбодрить нас – тоже. Но хотя капитан изо всех сил старался говорить спокойно и уверенно, дрожь в голосе выдавала его тревогу. Я испугалась: неужели случилось что-то серьезное и нам грозит беда? Капитан заговорил вновь, и сердце заколотилось у меня в груди. «Погодка подгадила, и, похоже, будет еще хуже, – произнес он. – Пожалуйста, не отстегивайте ремни и держите спинки кресел в вертикальном положении. Когда будут новости, я сообщу. Сейчас мы летим сквозь буран».

В ту же секунду свет в салоне самолета погас и включились тусклые аварийные лампочки. Самолет затрясло как в лихорадке, на пол посыпалась посуда, журналы, всякие мелочи. Поначалу турбулентность была неприятна, но терпима, однако вскоре усилилась так, что меня замутило. Я покосилась на коллегу, Джека, молодого красавца, похожего на голливудского киноактера. А ведь у него двое детишек, как и у меня. Обычно Джек в любой, даже самой напряженной ситуации, что называется, держал лицо, но тут выдержка ему изменила: он учащенно дышал, лицо его искажил ужас. Джек схватил меня за руку своей дрожащей рукой и с трудом произнес фразу, которую я не забуду до конца жизни: «Кэтрин, похоже, мы разобьемся».

Я вряд ли найду слова, чтобы описать, что я почувствовала. Умом я понимала, что Джек прав, однако на меня почему-то снизошли непонятный покой и смирение. Я крепко стиснула руку Джека и закрыла глаза. И стала думать о своих детях. Сердце у меня сжалось, когда перед моим мысленным взором всплыло улыбающееся личико Портера. Я вспомнила, как он произнес свое первое слово и сделал первые неуклюжие шажки. Я увидела, как он, смеясь, карабкается в садовый домик на дереве, выстроенный для него Джоном, как обмакивает морковку в арахисовое масло и, упоенно хрумя, говорит: «Я такое ем, чтобы вырасти в супергероя. И вырасту!» Увидела я и Сариту – как малышка скачет на своей кровати, заливаясь смехом и распевая детские песенки. А потом я увидела Джона – вот он, благостный и умиротворенный, сидит на заднем крыльце, что выходит в сад, и колдует над мангалом для барбекю, который называет «моя любимая игрушка», и попивает пиво, и на краешке стакана – кружок лимона, как он любит. Все эти образы проплывали передо мной, словно кадры в замедленной съемке. Казалось, в голове у меня прокручивается фильм. Я увидела нашу единственную семейную поездку на отдых в полном составе: мы тогда отправились вчетвером в Канаду и колесили по горам. И знаете, что самое удивительное? Самолет неумолимо падал, в голове у меня в те

минуты проносились десятки мыслей и образов, но я ни секунды не думала о себе и своей работе. Даже не вспомнила. Думаю, древняя мудрость не зря гласит: «Перед смертью все, что казалось тебе важным, умаляется, а все, что казалось ерундой, вдруг оказывается самым важным». И в тот миг, когда я уже ощутила ледяное дыхание смерти, я ни секунды не думала о заработанном капитале, о шикарной машине или о своей важной должности, название которой с таким тщеславием читала на визитной карточке. Не думала я и о доходе, который принесла компании, и о журнальных обложках, на которых появлялась моя фотография. Я ДУМАЛА ТОЛЬКО О СВОЕЙ СЕМЬЕ. О том, как люблю их, как хочу к ним и как горько сожалею, что уделяла им так мало внимания. Мой папа не раз говаривал: «У савана карманов нет, с собой на тот свет ничего не прихватишь». И он был прав: сколько бы ты ни накопил пожитков за всю жизнь, их невозможно взять с собой на тот свет. С нами остаются лишь воспоминания – воспоминания об Истинно Главном и Дорогом, но дорогом, конечно же, не в финансовом смысле.

И теперь, перед лицом смерти, я внезапно осознала: главное – это моя семья.

Веря в героизм, создаешь героев.

Бенджамин Дизраэли

Очнулась я на каталке, которую стремительно мчала в реанимацию бригада взволнованных врачей. Я то и дело впадала в забытие, но услышала, как кто-то из них закричал: «Мы ее теряем! Давление падает! Срочно на стол!»

«Господи, – подумала я, – значит, я все-таки попала в авиакатастрофу». Одежда на мне пропиталась кровью, руки-ноги были изранены. Я была как в тумане, и мне было холодно. И еще страшно хотелось пить – в жизни не испытывала такой жажды. И тут я поняла, что стол-то они подразумевают операционный и что я запросто могу умереть во время операции: раны, кровопотеря, давление падает, руки и ноги похолодели...

Я понятия не имела, где нахожусь, в каком городе, и знает ли моя семья о катастрофе. Я не знала, выжили ли оба мои коллеги. Но панический страх снова сменился спокойствием и смирением, как тогда в самолете. Я почему-то исполнилась уверенности, что выживу. С тех пор я многое поняла, и в частности то, что все во Вселенной свершается по своим законам, и что бы с тобой ни происходило, оно происходит не просто так.

Любая беда неизбежно содержит в себе благое зерно и дает нам урок, который нужно усвоить, чтобы перейти на качественно новую ступень. Великий американский поэт Генри Лонгфелло прекрасно выразил эту мысль в своем афоризме: «То, что я прошел в жизни огонь и воду, определенно послужило мне на пользу». Вот и я осознала, что не зря выжила в авиакатастрофе. Просто пока что я еще не понимала высшего смысла своей немислимой удачи и не могла взять в толк, какой урок мне надлежит извлечь из случившегося.

После двенадцати часов на операционном столе меня перевезли в реанимацию – мне предстоял мучительный процесс выздоровления. Наутро я пробудилась от самого чудесного звука на свете – звонкие детские голоса повторяли у меня над ухом, словно молитву: «Мамочка, проснись! Проснись, мамочка! Мы тебя любим!» Я с трудом открыла глаза и увидела Портера в его любимой футболке с диснеевскими персонажами и Сариту в красном комбинезончике, который она так обожала, что носила чуть ли не круглый год. Рядом с детьми стоял Джон, и по лицу его струились слезы. От волнения он не мог вымолвить ни слова. Дети и муж обняли меня, а потом мы все расплакались.

На больничной койке я провела долгие месяцы. Увы, авиакатастрофа унесла множество жизней, и мои коллеги, Джек и Росс, тоже были в числе погибших, и эта утрата была для меня большим ударом. Ведь мы с ними столько лет проработали бок о бок! Без Джека и Росса, моих верных соратников, заниматься делами компании и сайта «BraveLife.com» мне совершенно расхотелось. Ведь эти двое были не только хорошими товарищами и деловыми партнерами, с которыми мы вместе придумали и запустили этот проект; за прошедшие годы мы крепко сдружились. Комиссия по расследованию авиакатастрофы главной причиной назвала «человеческий фактор», ошибку пилота; когда ко мне пришли юристы, чтобы поинтересоваться,

не хочу ли я взыскать с авиакомпании компенсацию за ущерб, я ответила, что хочу забыть всю эту историю как страшный сон и готова сделать что угодно, лишь бы поскорее поправиться и вернуться к семье, домой. Джон и дети навещали меня едва ли не ежедневно, но львиная доля времени у меня уходила на реабилитационные процедуры – мне не терпелось как можно быстрее вернуться в форму. Врачи и медсестры в той больнице были просто сущие ангелы во плоти, они относились ко мне терпеливо, заботливо и сострадательно. Мне приходилось нелегко, но с каждым днем я чувствовала, что еще немножко окрепла, и уже начинала с оптимизмом смотреть в будущее.

А потом наступил Тот Самый Вечер, когда со мной приключилось нечто необычайное. Часы посещения как раз закончились, Джон увез детей домой, а я читала замечательную книгу Трины Паулус «Надежда на цветы» – книгу, которая не только дарила надежду, но и внушала вдохновение и прилив сил. Рядом с койкой на прикроватном столике стояла чашка чая. Я повернулась, чтобы взять ее, и тут заметила, как мимо приоткрытой двери палаты по коридору стремительно пронеслась какая-то фигура на инвалидном кресле с моторчиком. Я поразились: как это человеку удалось развить такую скорость в инвалидном кресле? И почему он носится по больничному коридору поздно вечером? Но таинственный человек больше не появлялся, и я вернулась к прерванному чтению. Надо сказать, в последние годы я по занятости на работе совершенно забросила чтение, – работа отнимала столько времени и сил, что книги отошли на тридцать пятый план. Но теперь, после авиакатастрофы, я решила заниматься тем, что подлинно важно, в том числе и читать мудрые книги с полезными и вдохновляющими наставлениями. Авиакатастрофа стала для меня потрясением и в то же время заставила меня пересмотреть и переоценить все свои жизненные установки и систему ценностей, навести порядок в жизни. Лежа в одиночестве в больничной палате, я впервые за много лет неторопливо размышляла о том, как жила до сих пор. Как я вела себя? Какой я была матерью, женой, человеком? У меня было полное впечатление, что мне дали второй шанс, подарили жизнь заново, и этот щедрый подарок надо оправдать. Я поклялась, что теперь буду жить просто, мудро и добродетельно, и главным для меня станут подлинные жизненные ценности. «Самое лучшее – всегда то, что рядом: воздух, что вливается в ноздри, свет, который видят твои глаза, цветы, что растут у тебя под ногами, долг перед близкими, и тропа Добра, которая открывается прямо перед тобой. Не старайся схватить звезду с неба, просто исполняй рутинную простую работу по мере сил, и будь уверен, что будничные обязанности и хлеб насущный – вот главное в жизни», – так писал Роберт Льюис Стивенсон.

Только я погрузилась в чтение, как боковым зрением заметила: фигура на инвалидном кресле вновь промчалась по коридору, еще быстрее, чем в прошлый раз. Более того, удивительный пациент еще и распевал во все горло! Песня была знакомая, правда, я ее сто лет не слышала. Когда-то давно, в детстве, мне ее пели родители. Надо же, кто-то еще помнит такие старые песенки! Хорошо бы выяснить, что это за человек. Только вот безопасно ли с ним заговаривать? А вдруг он психически больной, который проник в больницу с улицы? Я колебалась, но любопытство одержало верх, поэтому я слезла с койки и, оперевшись на свои верные ходунки, медленно-медленно вышла в коридор, надеясь вновь увидеть загадочного чудака (или психа?). Но он как сквозь землю провалился, – коридор был тих и совершенно пуст, не считая двух медсестричек на сестринском посту.

– Добрый вечер! – приветливо окликнула их я издалека.

– Кэтрин, как вы? Ничего не случилось? – ответили они.

– Все в порядке. Я просто хотела спросить: кто это тут раскатывает туда-сюда на инвалидной коляске и горланит детские песни? Он шумит и запросто может сшибить кого-нибудь с ног. Непорядок, по-моему. Увидите его – передайте, что он фальшивит, пусть

подучится петь, – с улыбкой добавила я.

– Но тут никто не катался, – хором отозвались медсестры. – Мы никого не видели.

– Никого? – пораженно переспросила я.

– Ни души. Кэтрин, может, вам приснился кошмар?

– Нет-нет, я видела его наяву! Станный такой человек в электрическом инвалидном кресле, катался туда-сюда, да еще распевал песенку, которую я знаю с детства. Сто лет ее не слышала.

«Господи, какой дурой я себя выставила!» – подумала я. Медсестры рассмеялись.

– Вы нас разыгрываете?

– Да нет же! Увидите его, передайте, что он ведет себя неподобающе, – настаивала я.

– Хорошо, хорошо, Кэтрин, как увидим, сразу передадим, – посмеивалась, ответила одна из медсестер.

Я захромала обратно в палату. Что-то металлическое блеснуло на полу. Я с трудом наклонилась и обмерла, не веря своим глазам. На полу лежала металлическая бабочка. Я подняла ее и ахнула: она была золотая! Но потрясло меня не это. Точно по такой бабочке отец когда-то подарил нам с Джулианом, моим братом, – чтобы мы всегда помнили, как важно быть свободными и независимыми в помыслах.

Для него бабочка символизировала не только свободу и независимость, но еще и красоту – все то, чего папа желал нам в жизни. Бабочек он подарил нам в знаменательный день – его тогда назначили федеральным судьей. Как я тогда гордилась им! Он приложил немало труда, чтобы достичь этого поста, и как никто заслуживал его. Папа был замечательным человеком – порядочным, любящим, безупречно благородным. Золотую бабочку, его подарок, я бережно хранила, она была одним из моих главных сокровищ, а после смерти папы – еще и памятью о нем. А вот что с бабочкой Джулиана, я понятия не имела. Вообще-то, зная братца, я подозревала, что с него станется загнать золотую вещицу. Джулиан – человек неординарный. Даже не знаю, как его лучше описать. Такие редко встречаются. Он всегда был умницей и талантом, но в то же время непоседой и бунтарем. В школе он неизменно поражал всех незаурядными способностями и всегда был среди лучших, но любил дерзить. По нему, красавчику, сохли все девчонки. Мозгами его природа не обделила, так что он выигрывал все школьные призы, конкурсы и олимпиады. В спорте тоже всегда отличался. Когда Джулиан поступил в университет, то стал там всеобщим любимцем и спортивной звездой, а еще – лучшим по астрономии и капитаном дискуссионного клуба. Все его дарования и не перечислишь. Он был наделен не только острым умом, колоссальным обаянием и неисчерпаемой энергией, но и добрым сердцем. Он притягивал к себе как магнит.

Я в детстве на брата просто молилась – он был моим кумиром. Мы прекрасно ладили, всегда играли и развлекались вместе, летом – на озере, зимой – на лыжах. Мы постоянно веселились и разыгрывали друг друга. Словом, Джулиан был просто чудо. Когда он уехал в университет, я ужасно по нему скучала.

Вполне естественно, что Джулиан окончил Гарвардскую школу права с отличием и был признан лучшим в выпуске. Юридические фирмы сражались за право видеть его в своих рядах. В скором времени у него уже сложилась репутация блестящего юриста, одного из лучших, и по любым меркам успех его был феноменален. Даже отец, обычно скуповатый на похвалу и знавший цену профессиональному совершенству, частенько говаривал: «Мальчик молодчина, настоящий молодчина. Бьюсь об заклад, когда-нибудь войдет в состав Верховного суда. Впрочем, есть в кого – яблочко от яблоньки недалеко падает», – добавлял он, посмеиваясь.

Счастливая звезда Джулиана взошла еще в школьные годы и сияла много лет. Он считался одним из самых авторитетных, сильных и умных адвокатов первой инстанции, доход его

исчислялся семизначными числами, и Джулиан мог позволить себе любые жизненные удовольствия и материальные блага. Он купил роскошный дом в престижном районе, облюбованном богачами, знаменитостями и дипломатами. У него был собственный реактивный самолет, что позволяло ему летать к клиентам, словно он был особой королевской крови; на этом же самолете к Джулиану доставляли портного из Италии, если знаменитому адвокату требовался новый костюм. Джулиан купил виллу на частном острове и назвал ее «Нирвана», надеясь, что сможет там отдыхать, если в его напряженном и плотном расписании появится «окошко». Впрочем, он сам выбрал такой образ жизни и был им доволен. Но из всего имущества дороже прочего Джулиану был его сверкающий алый «феррари». Джулиан берег автомобиль как зеницу ока, обожал, словно живое существо, «феррари» был его страстью, свидетельством его жизненных побед и наградой за труды и лишения на пути к заслуженному успеху. Делая блестящую адвокатскую карьеру, Джулиан женился на очаровательной и милой женщине, и у прекрасной пары родилась прелестная дочурка. Назвали девочку Алли, и росла она умницей и красавицей – с первых дней было понятно, что ребенок очень одарен. Алли была веселого и бойкого нрава и большая шалуныя. Она буквально светилась радостью и здоровьем. Отцовство преобразило Джулиана. Конечно, он по-прежнему рьяно занимался работой, потому что в сердце его горел негасимый огонь профессионального тщеславия и желания обойти и превзойти всех конкурентов. Но все-таки главное место в его жизни теперь занимала дочка. Я видела, что Джулиан наконец-то начал ценить прелести семейной жизни.

Теперь он каждую пятницу брал выходной, чтобы провести весь день, играя с дочкой, или же вез всю семью куда-нибудь на прогулку. Джулиан всегда отлично выглядел, но рядом с женой и дочерью он прямо-таки лучился счастьем: глаза у него сверкали, и видно было, что он гордится маленькой Алли, ее умом и озорством, и что в общении с дочкой он находит отдохновение от жизненной суеты, обретает источник покоя и гармонии, которые так нужны всем нам в наш жестокий, тревожный и стремительный век. Джулиан был окружен любовью и купался в роскоши. Казалось, его жизнь идеальна и он властелин своей судьбы. Но мир устроен так, что Рок подрезает нам крылья тогда, когда мы меньше всего этого ожидаем. И, увы, зачастую именно когда достигаешь высот удачи, судьба швыряет тебя вниз, отнимает самое дорогое, и ты оказываешься во тьме горя и отчаяния, на краю бездны. Именно в такие мрачные мгновения в сознании вспыхивает свет – и ты осознаешь свою истинную сущность. Страдая душевно и физически, ты вдруг открываешь для себя свое подлинное «я». А потом происходит чудо, и ты, разбитый, раздавленный, вдруг обретаешь новые, неведомо откуда взявшиеся силы. Именно так и произошло с моим братом Джулианом: во тьме отчаяния он увидел свет и узнал, что обладает запасом сил, о котором и помыслить не мог.

Однажды солнечным днем Джулиан на своем роскошном алом «феррари» вез маленькую Алли на день рождения к ее любимой подружке. Вдруг Джулиан заметил, что машина, которая едет навстречу, вильнула на встречную полосу. Поначалу Джулиан не придал этому значения, но машина мчалась все быстрее. Через считанные секунды несчастья было уже не избежать. Случилось страшное. Водитель машины, пьяный в доску после целого дня возлияний с дружками, едва понимал, куда гонит. Произошло лобовое столкновение на полной скорости. Удивительно, но Джулиан отделался синяками и царапинами. Но малышка Алли, ударившись о лобовое стекло, получила смертельную травму и умерла на руках у Джулиана, пока он в отчаянии пытался дозвониться до «скорой помощи».

Трагедия сломала Джулиана. Он изменился до неузнаваемости. Раньше он наслаждался каждым мгновением жизни – теперь каждый миг давался ему с трудом. У меня сердце разрывалось, когда я думала об этом.

Джулиан отчаянно пытался забыться в работе: сутками пропадал в офисе, даже ночевал там

на диване в своем кабинете. Он отказывался встречаться с любым, кто мог напомнить ему о прежней жизни. Джулиан словно надел на глаза шторы и видел перед собой только работу. Естественно, от такого фанатичного отношения карьера его еще больше пошла в гору, но на личном фронте у него наступил полный упадок – он фактически порвал отношения со всеми, кроме коллег. Карлос Кастанеда когда-то сказал: «Основное различие между обычным человеком и воином – в том, что воин воспринимает все как вызов на бой, тогда как обычный человек воспринимает все или как проклятие, или как благословение». Думаю, Джулиан ощущал себя навеки проклятым.

Жена Джулиана оставила его. Она заявила: «Ты так одержим работой, что до тебя не достучаться. Такое впечатление, что ты и скорбеть по дочке не захотел. Я делала все возможное, чтобы вытащить тебя из эмоционального тупика, в который ты себя загнал. Но ты упираешься. И у меня ничего не получается. Ты только знай твердишь, чтобы я от тебя отстала!» Более того, Джулиан всем своим поведением давал понять: в помощи он не нуждается. Ни в чьей. Кто бы ни предлагал ему поддержку, он отвечал примерно одинаково: «Оставьте меня в покое. Занимайтесь своими делами и не лезьте ко мне в душу с вашей жалостью, она мне не нужна».

Джулиан начал выпивать, перестал следить за собой и жил словно на износ. Он мало спал, утратил аппетит, а внешне так запустил себя, что отпугнул даже тех немногих близких, кого еще не оттолкнула его грубость. Свободного времени у него почти не было, но если оно и выдавалось, Джулиан проводил его с анорексично-тощими моделями и оравой лихих биржевых брокеров, которых называл «мои терминаторы». Я в те времена с Джулианом почти не виделась – он отклонял все мои звонки, но знала о его поведении и опасалась, что его подстерегает беда. Большая беда.

Однажды я случайно увидела брата на улице: он мчался по деловому центру города с двумя портфелями, битком набитыми документами, с него градом катился пот. Я едва не расплакалась, когда увидела, во что превратился былой ухоженный, моложавый, подтянутый красавец. Его было не узнать. Одутловатое лицо, ранние морщины, потухшие глаза, сутулая спина, нездоровая полнота. А ведь раньше он так тщательно поддерживал форму! Но главное – исчезла его сияющая улыбка. У Джулиана, моего любимого брата, моего кумира, теперь было лицо человека, заточенного в свой персональный ад.

Спустя несколько месяцев мне позвонил один из деловых партнеров Джулиана. Он сообщил, что у Джулиана случился обширный инфаркт прямо в зале суда во время напряженного выступления на судебном процессе. «Скорая» отвезла его в больницу, он жив, но, по словам звонившего коллеги, наотрез отказывается принимать посетителей и не хочет видеть ни друзей, ни близких, как и раньше. «Особенно членов семьи», – удрученно подчеркнул коллега Джулиана.

– Неужели он меня даже на минутку не пустит? – взмолилась я.

– Кэтрин, я бы с радостью сказал, что пустит, но он велел персоналу больницы никого не пускать и держать дверь в палату на замке. А главному врачу пригрозил, что подаст в суд, если кто-нибудь дозвонится до него по телефону, который ему специально установили в палате как важной персоне.

«Как это похоже на Джулиана, – подумала я. – Остается юристом даже на больничной койке!»

– Кэтрин, я хотел сообщить вам кое-что еще, – приглушенно добавил коллега Джулиана. – Сам не поверил, когда узнал, но Джулиан твердо намерен бросить работу. Вы представляете? Он уже написал заявление, отказывается от своей доли в фирме и увольняется.

– Вы шутите? – я не поверила своим ушам. – Да ведь юриспруденция для него как воздух! Он хотел стать адвокатом, еще когда даже в школу не ходил.

– Я просто сообщаю все с его слов, – отозвался коллега. – У меня самого в голове не укладывается. Но я подумал, вы должны быть в курсе.

Джулиан сдержал слово и, едва выписавшись из больницы, бросил работу. Но этим дело не кончилось: он продал практически все свое имущество – дом, самолет, виллу «Нирвана» на уединенном острове. Он продал даже свой заветный алый «фerrари» – символ своего успеха и достигнутых высот.

Через некоторое время я узнала от одного из приятелей Джулиана, что брат уехал в духовное паломничество куда-то в Индию – «вроде как за смыслом жизни», по словам друга. Адреса Джулиан не оставил, телефона тоже, как с ним связаться, было неизвестно, и когда именно его ждать обратно, он тоже не сообщил.

– Как думаете, когда он вернется? – спросила я у приятеля брата.

– Думаю, ни вы, ни я больше не увидим великого Джулиана Мэнтла, – подавленно ответил собеседник.

Шли годы, от Джулиана не было ни слуху ни духу: он не звонил, даже ни единой открытки не прислал. Казалось, он решил забыть о существовании родной сестры, да и о своей прежней жизни – той, что была до гибели дочери.

К сожалению, я не извлекла из истории Джулиана никаких уроков и продолжала жить в бешеном темпе, погруженная в работу; правда, вышла замуж, но семье, как я уже говорила, уделяла все меньше внимания. Со временем я все реже вспоминала брата, но порой, когда я наслаждалась редкими минутами покоя и одиночества – обычно по ночам, поздно вернувшись с работы, когда дети и муж уже давно спали, – я все-таки задавалась вопросом: как там поживает мой брат, все ли у него хорошо? Я погружалась в воспоминания о погожих летних деньках времен нашего беззаботного детства, о совместных шалостях и забавах, вспоминала, как мы ныряли с пирса на озере у дачи, как плавали на лодке. Я перебирала в памяти все розыгрыши и шутки Джулиана, – он неутомимо выискивал себе все новые мишени. Но ярче всего помнился мне озорной блеск в глазах брата. Бедняжка Алли унаследовала от Джулиана эти всегда смеющиеся глаза. Ох, как же я скучала по этой девочке, которую уже не вернуть. И как же мне не доставало брата!

Счастье или несчастье не зависит от того, сколько у человека имущества или много ли золота он выиграл. Счастье или несчастье – это состояние души. Мудрец чувствует себя как дома в любой стране. Для благородных духом вся Вселенная – родной дом.

Демокрит

«Я ваш новый врач!» – звучно объявил незнакомый голос из темного больничного коридора. Я всмотрелась в сумрак и чуть не ахнула. С инвалидной коляски поднялся и зашагал мне навстречу рослый молодой человек в докторском халате – без сомнения, тот самый, который бойко раскатывал по коридору и горланил детскую песенку, тот самый нарушитель больничного спокойствия. На шее у него висел стетоскоп, но в остальном наряд его отличался от обычного, потому что под расстегнутым белым халатом пламенела шафрановая хламида с капюшоном, – такую одежду обычно носят тибетские монахи. Яркая одежда ниспадала до самого пола, по подолу вился причудливый вышитый узор, различимый даже в сумраке коридора, а из-под не то хламиды, не то рясы виднелись сандалии, на которых тоже был узор – в виде цветов. До чего красивый наряд! И хотя рассмотреть лицо незнакомца в полутьме тоже было трудно, я определила, что он моложав и хорош собой, а еще – не глазами, но всей кожей и всем сердцем – ощутила, какая волна душевного тепла, жизненной силы, доброты, уверенности в себе исходит от этого странного врача-монаха. Самое удивительное, что даже в скудном освещении лицо его показалось мне до странности знакомым. Прямой, подтянутый, сильный... но кто же он? По нему видно, что человек живет в ладу с самим собой и миром. А глаза! Они сверкали, как темные бриллианты, они смотрели тепло и пронизательно, и, казалось, заглядывали в самые потаенные глубины моей души и видели меня насквозь. Под этим внимательным взглядом я застыла.

– И какого рода вы врач? – Я не смогла сдержать любопытства. – Простите, но на обычных докторов вы не очень-то похожи.

– Я в своем роде семейный врач, скажем так, – ничуть не смутившись, отозвался монах.

– По вашему виду я бы скорее сказала, что вы в своем роде знахарь, – с принужденным смехом заметила я. Очень уж таинственно выглядела эта фигура, словно проступившая из тьмы. Но не робеть же перед этим незнакомцем. Я взяла себя в руки и твердым тоном, каким привыкла изъясняться на работе, продолжала:

– Что ж, молодой человек, семейный врач мне ни к чему. Я попала в авиакатастрофу и получила серьезные травмы. Так что за мной присматривают специалисты по реабилитации, и больше мне совершенно никто не нужен. Простите, но в ваших услугах я не нуждаюсь. У меня есть врач, который вел меня здесь с самого поступления в больницу, и мне его вполне достаточно. А от вашего неуместного наряда мне вообще не по себе. Скажите, на что вы рассчитывали, – что ваш монашеский балахон будет вселять в пациентов доверие?

– Он греет зимой, – ответил незнакомец. В глазах его мерцали озорные искорки. – А заодно напоминает мне, кто я на самом деле.

– И кто же? – спросила я, попавшись на удочку.

– Об этом потом. А пока что скажу лишь, что пришел помочь вам. Вы должны поверить мне всем сердцем, потому что я и впрямь желаю вам только добра.

– Поверить всем сердцем? Вы что, спятили? – я начала свирепеть. – Вы вообще хотя бы представляете, через что я прошла? Какие муки вынесла? Мне нужен только прежний врач, болеутоляющие и полежать в тихой палате. Никакие разговорчики о доверии и никакие шуты гороховые в монашеских рясах мне ни к чему, а о том, чтобы вы меня лечили, и речи быть не может – близко не подпущу.

– От вас не требуется ничего делать, – спокойно заявил молодой монах. – Я лишь сообщаю, что могу вам помочь так, как вы и не представляете. Врач, которая лечила вас раньше, – прекрасный врач, она лучшая в своей области, другого и желать нельзя, и замечательно лечит, но это если вы хотите вылечить только тело.

– Что вы имеете в виду? Вы о чем? – я заводилась все больше и больше.

– Все очень просто. Врач поможет вам восстановить физическое здоровье. Но и только. А я пришел, чтобы помочь вам неизмеримо больше – восстановить всю вашу жизнь. – Он помолчал, словно собираясь с мыслями, затем продолжал очень мягко и без нажима, тщательно подбирая слова. И я вдруг увидела, что он гораздо старше, чем мне показалось поначалу.

– Я знаю, что у вас сейчас сложная полоса в жизни, особенно в семейной, – говорил удивительный монах. – Знаю, что вы пережили не только физическое, но и душевное потрясение и сейчас вынуждены переоценивать всю свою жизнь, думать о том, правильно ли жили. Вы размышляете о своих приоритетах, о том, что должно быть на первом месте. Я знаю и то, что семья для вас – свет всей жизни и что внутренний голос побуждает вас поставить семью на первое место, пока еще не слишком поздно.

– Откуда вы это взяли? – потрясенным шепотом спросила я. Меня пробрала дрожь: чужой человек видит меня насквозь!

– Доверьтесь мне, я знаю о вас практически все. Знаю, где вы выросли, знаю, что ваша любимая сладость – яблочный пирог с шоколадным мороженым, а любимый фильм – «Уолл-стрит». Знаю также, что у вас есть родинка на...

– Стоп! Хватит! – прервала его я. – Мне все понятно.

Да кто он, в самом деле? Сначала носится по больничному коридору на инвалидном кресле, будто тут трасса «Формулы-1». Потом начинает приставать ко мне со своим «я ваш новый семейный врач», а теперь пошел сыпать интимными подробностями моей не самой удачной жизни. Я встревожилась не на шутку. Вдруг этот тип опасен?

– Послушайте, я понятия не имею, кто вы такой, да мне и не важно, если честно, – соврала я. – Я устала, у меня все болит, и мне необходимо прилечь. Знаете что? Садитесь-ка обратно в ваше кресло, катитесь отсюда, и давайте забудем, что мы вообще виделись. А если не уберетесь, – я добавила в голос угрозы, – я попрошу дежурных сестер, чтобы вызвали охрану.

Я надеялась, что прозвучала эта тирада достаточно грозно.

Но таинственный незнакомец ничуть не испугался и не смутился. Он стоял передо мной все такой же спокойный и уверенный в себе. Потом рассмеялся – точнее, сначала негромко хохотнул, а потом просто покатился со смеху.

– Ох, Кэтрин, ты бы себя видела! Стоит посреди больничного коридора и на все корки распекает монаха в докторском халате, а сама-то в больничной рубашонке, которая расходится на спине! Какой ты была, такой и осталась. Все такая же храбрая – любому дашь отпор. Ну ни капельки не изменилась, просто смотреть приятно.

Он знал, как меня зовут! Да еще и тыкал! Я испугалась и потихоньку попятилась к сестринскому посту, чтобы дежурные вызвали охрану. Но незнакомец ухватил меня за руку и

проворно сунул мне в ладонь какую-то крошечную вещицу.

– Пустите! – вскрикнула я, надеясь, что медсестры на посту встрепенутся.

– Ладно-ладно, – незнакомец развел руками. – Тогда отдай мою бабочку, и я уйду.

– Какую еще бабочку? Что за чушь вы несете? Нет, вы точно псих! – Так я возмущалась, пока не увидела, что же он сунул мне в ладонь.

– Откуда вы это взяли? – спросила я, слегка успокоившись. – Папа мне такую подарил в детстве, – добавила я совсем тихо. – Она сделана на заказ – папа заказал две таких, для меня и моего брата Джулиана. Это авторская работа, они существуют всего в двух экземплярах. Я больше таких не встречала... раньше, пока вы не показали мне эту. Значит, ювелир сделал еще несколько...

– Нет, их только две на всем белом свете, – мягко сказал монах.

Я озадаченно молчала. Если золотых бабочек всего две и моя лежит дома, а вторая у Джулиана, то откуда такая бабочка у странного посетителя? Не стряслось ли чего с Джулианом?

– Вы знаете моего брата, Джулиана? – с надеждой спросила я.

– Куда лучше, чем ты думаешь. Пожалуй, можно сказать, что мы с ним очень близкие люди, – с многозначительной усмешкой ответил монах.

– Где он, что с ним? – настойчиво спросила я.

– Да здесь он, в этой больнице, – ответил монах.

Сердце у меня бешено заколотилось, голова пошла кругом.

– Вы шутите, – выдавила я. Мой брат, адвокат высшего класса, переживший трагедию, депрессию, перелом всей жизни, уехавший в Индию много лет назад, чтобы обрести смысл жизни и спасти свою душу, – мой брат вернулся и сейчас здесь, в той же больнице, что и я, под одной со мной крышей! Немыслимое совпадение.

– Где он? – из последних сил спросила я. Этот незнакомец измотал меня своими играми.

– Прямо перед тобой, глупышка. Джулиан вернулся. И теперь он еще лучше, чем прежде, – жизнерадостно ответил молодой монах и даже совершил какое-то танцевальное па.

– Простите, – с чувством сказала я. – Понимаю, вы хотите как лучше, а чутье подсказывает мне, что вы не желаете мне дурного. Но я решительно не понимаю, кто вы и почему здесь. Если вы знаете, где Джулиан, то отчего просто не сказать, как мне его отыскать?

Монах отступил на шаг и воздел руки, сложив их словно в молитве, – я видела, как в Индии местные жители приветствуют друг друга подобным жестом. Он стоял неподвижно и смотрел на меня в упор. Молча, так что я слышала его дыхание. По щеке его скатилась слезинка. Потом он утер глаза широким рукавом своего шафранового одеяния, глубоко вздохнул и наконец ответил:

– Потому что, милая моя сестричка Кэтрин, я и есть Джулиан.

Он шагул в сторону, свет из палаты упал на его лицо, и я наконец-то разглядела таинственного незнакомца как следует. Сомнений не было – передо мной стоял Джулиан. Правда, внешне он сильно изменился, но я все равно узнала его. Братик, милый мой братик, наконец-то вернулся ко мне из дикой гималайской глуши!

Чудесное путешествие великого Джулиана Мэнтла

Кто хочет достигнуть малого, от того и жертвы требуются маленькие; кто хочет добиться большего, от того и жертвы требуются покрупнее; а кто хочет достигнуть великого, тот должен пойти на великие жертвы.

Джеймс Аллен

Меня захлестнула буря чувств. Сердце мое затопила радость: я столько лет пробыла в разлуке со своим единственным братом, и вот он наконец-то вернулся! Я не могла сдержать слез радости и плакала в три ручья, так, как не плакала, наверное, последние лет десять. Что за чудесная встреча! Мы обнялись, поцеловались, я внимательнее взгляделась в Джулиана и не поверила своим глазам: до того разительно он переменялся. Что же за испытания выпали на его долю за эти десять лет, и как он достиг таких перемен? По моим подсчетам, Джулиану сейчас было к шестидесяти, и, прямо скажем, выглядел он на добрых двадцать лет старше, чем при нашей последней встрече. Старше, но бодрее, свежее, сильнее. Когда мы виделись с ним последний раз, весь облик его кричал об усталости, душевных муках, работе на износ и пристрастии к спиртному. Тогда Джулиан выглядел неряшливо, одутловато, видно было, как он располнел, опустился. Он кашлял, как заядлый курильщик, и к тому же страдал одышкой. Ясно было, что он намерен угробить себя как можно скорее. А ныне передо мной стоял совершенно обновленный, иной Джулиан – в расцвете сил и здоровья, поджарый, подтянутый. Лицо его сияло, как у юноши, полного энергии, он весь лучился радостью жизни. Глаза Джулиана, некогда потухшие, теперь снова сверкали, а взгляд их говорил, что у этого молоджавого человека душа мудрого старца и что повидал и перенес он больше, чем мы можем представить. Джулиан источал благородство, доброту и необъятный жизненный опыт.

«Глубочайшее поражение, какое только способен потерпеть человек, коренится в огромной разнице между тем, кем ты мог бы стать, и кем ты в итоге стал», – заметил Эшли Монтегю. Человек, который стоял передо мной, казался одновременно и сильным, и исполненным смирения, и по нему было сразу видно – он полностью реализовал свой потенциал. Не могу объяснить словами, почему я почувствовала это. Просто в тот миг у меня возникло ощущение, что рядом со мной человек, который достиг пика своего величия – на свой лад.

– Знаю, тебе с трудом верится, Кэтрин, но это и правда я, – сказал Джулиан. – Ух, как я рад тебя видеть, сестренка! Ты бы только знала, как я по тебе скучал и как часто тебя вспоминал! – Джулиан снова заключил меня в крепкие объятия и ласково чмокнул в лоб.

– Ты бы хоть позвонил разок или написал нам! – пожурила его я. – Десять лет ни слуху ни духу!

Джулиан молчал, и в глазах его промелькнула тень былой боли. Наконец он сказал:

– Прости, что я так исчез, но после гибели Алли я был совершенно сломлен душевно, и сердце мое было разбито, – объяснил он терпеливо. – Я в жизни не испытывал такой боли. Порой я просыпался и чувствовал себя настолько обессиленным утратой, что не мог даже встать с постели. Я не хотел ни с кем видаться, ни с кем разговаривать, никому не хотел открывать

душу и целиком отдался работе. Работа – вот единственное, что заставляло меня забыть о горе.

– Но мы могли бы тебе помочь! – воскликнула я.

– Вряд ли, Кэти. Я был ранен слишком глубоко, и мне надо было уехать. Ты ведь знала тогда про мой инфаркт?

– Да, – сочувственно ответила я.

Джулиан обнял меня за плечи и бережно повел обратно в палату, потому что я уже с трудом держалась на ногах – от усталости и пережитого потрясения.

– Я тогда чуть не умер. Врачи сказали – я выжил лишь чудом, потому что у меня отважная душа и могучая воля к жизни. После инфаркта я осознал, что никакая сила не заставит меня вернуться к работе юриста. Я утратил всякий интерес к адвокатской деятельности, к этой гонке и жаждал чего-то совершенно иного.

– Но чего именно?

– Я хотел отыскать настоящий смысл жизни. В наш век многие задумываются о смысле жизни, многие задают себя главные вопросы: зачем я живу, в чем смысл моего существования на этой планете?

– Да, Джулиан, я заметила – это многих волнует.

– Ого! Наконец-то ты назвала меня по имени! Значит, все-таки веришь, что я – это я.

– Верю-верю. Но ты так изменился – не узнать. – Я поцеловала Джулиана в загорелую щеку и ласково потрепала по плечу, а он в ответ снова поцеловал меня в лоб. Мы обнялись и некоторое время сидели голова к голове, как два голубка, ощущая ту неповторимую связь, какую испытывают лишь братья и сестры. Джулиана пробрала дрожь. Я заглянула ему в лицо и увидела, что по щекам у снова заструились слезы, – и сама заплакала. Вскоре Джулиан успокоился, но я заметила, что плакал он без малейшего смущения. Прежний Джулиан бы сгорел со стыда, случись ему прослезиться или как-то еще показать свою уязвимость.

– Ты никогда за всю мою взрослую жизнь не видела, чтобы я плакал? – проницательно спросил брат.

– Именно.

– За годы, проведенные вдали от дома, я уяснил много важного, и среди прочего – как важно быть настоящим.

– То есть как – настоящим? – не поняла я.

– А вот так, Кэти. В большинстве своем мы проживаем всю жизнь, скрываясь под социальной маской, маской, навязанной нам моралью общества. Она прячет наше подлинное «я». Мы никогда не бываем собой. Вместо того чтобы сделать видимыми для окружающих все грани своей личности и всю свою человечность, мы изо всех сил прикидываемся такими, какими нас хочет видеть общество. Говорим то, чего от нас ждут, носим то, что полагается носить по кем-то придуманным правилам, делаем то, чего от нас ожидают. А в результате? Мы проживаем не свою, а какую-то чужую жизнь, не выполнив своего предназначения в мире. Мы медленно убиваем себя. «Смерть – лишь один из способов умереть», – сказал как-то исследователь-путешественник Альва Саймон – и был прав.

Поэтому теперь я живу в точности так, как велит сердце. Если хочется плакать – плачу, как вот сейчас, потому что счастлив вновь обрести тебя. Если я сам не свой от радости – я пою. Если чувствую к кому-то приязнь и любовь, то выражаю эти чувства. Наверное, ты скажешь, что теперь у меня душа нараспашку. Я живу сегодняшним днем и радуюсь каждому мигу этого величайшего подарка – жизни.

– Это ты и называешь «быть настоящим»? – спросила я.

– Да, потому что я живу так, как нам, людям, предназначено самой природой. А ведь слишком много сейчас дрессированных.

– В каком смысле – дрессированных?

– Приученных вести себя «как прилично», «как полагается», вот в каком. Множество людей ведут себя как дрессированные. Натренировались изображать из себя не то, что они есть на самом деле, а то, чего от них ждет общество. Чем не дрессированные тигры или моржи?

– Резковатое сравнение, братец.

– Ну что ты, Кэти. *У каждого из нас есть долг перед собой как человеком – прожить жизнь по-настоящему. Каждый из нас морально обязан реализовать лучшее, что в нем есть, проживая каждый день на полную катушку и на радость себе. Это и означает «быть настоящим», прислушиваться к голосу своей внутренней мудрости.*

Быть настоящим – значит сказать решительное «нет» всему тому, что, как подсказывает интуиция, тебе чуждо, и сказать «да» тем вечным ценностям, которые делают жизнь духовно богаче, светлее, радостнее, осмысленнее, дают тебе возможность самореализоваться, – продолжал Джулиан. – Я мог бы вернуться к занятиям юриспруденцией и богатеть дальше, но это было бы поражение на личностном фронте.

– Господи, да почему же?

– Да потому, что благодаря испытаниям, выпавшим мне в жизни, я понял: все, что случается, происходит с нами не просто так. Всё имеет высший смысл.

– Тут я полностью согласна, – кивнула я, потому что именно такое открытие сделала после авиакатастрофы.

– Я усвоил кое-что еще, не менее важное. Неудачи, поражения, страдания на самом деле наши лучшие друзья и советчики. Александр Грэм Белл очень хорошо определил это, сказав: «Когда закрывается одна дверь, непременно открывается другая. Но мы, как правило, слишком долго с сожалением глядим на закрывшуюся дверь и поэтому не замечаем, что рядом открылась другая». Джулиан произнес эти слова громко и внятно.

– Как это верно подмечено! – пораженно прошептала я.

– Да, Кэтрин. Суцая правда. Наши раны даруют нам мудрость. Преграды и барьеры, на которые мы натываемся, в итоге становятся для нас трамплином. А неудачи превращаются в источник сил. Лейтон когда-то написал: «Испытания – это алмазная пыль, с помощью которой небеса шлифуют свои драгоценности».

– Обворожительная формулировка. Дай-ка запишу, – от всей души восхитилась я.

– Нет нужды, Кэти. Я научу тебя всему, что тебе необходимо знать, и поверь, сестричка, ты не забудешь ни слова. Так к чему я это все цитирую? Я мог бы вернуться в профессию, меня приняли бы обратно с распростертыми объятиями, и я мог бы снова разбогатеть. Но поступи я так, я бы тем самым наплевал на великолепные горизонты, которые открыла передо мной жизнь. Видимо, были какие-то непостижимые высшие причины и у гибели Алли, и у моего развода, и у моего инфаркта. Все случилось не просто так.

Я понял, что, если приму вызов судьбы и перестану растревлять свои раны, то смогу открыть нечто новое и выйти на совершенно новый уровень жизни. Я чувствовал, что новая жизнь принесет мне гораздо больше радости, счастья и любви, чем я когда-либо изведаль.

– Любви? – поразилась я. – Ого, раньше ты не очень-то распространялся о любви. Да, братик, здорово же ты переменялся.

– Мы живем в таком мире, где всем нам нужно как можно больше любви, Кэти. И я говорю не только о любви между людьми. Я толкую это понятие шире. Например, нам не хватает любви к работе. Мы должны обязательно любить среду, в которой живем, и, что самое главное, обязательно должны любить самих себя. *Только полюбив самое себя, сможешь по-настоящему дарить любовь другим.* Я пришел к простому и мудрому выводу: *каждый наш ежедневный будничные поступок должен говорить о любви.* Лев Толстой писал: «Лишь один четкий

признак позволяет отличить добрый поступок от злого: то, что умножает любовь в мире, то и есть добро. То, что разделяет людей и порождает вражду между ними, – зло».

– Получается, чтобы стать настоящей и быть человечнее, мне нужно проявлять любовь не только к мужу, детям и окружающим, но и к своей работе? Так, что ли? И тогда я полностью реализуюсь и выполню свое предназначение в жизни? – уточнила я у Джулиана. – Послушай, но если я буду жить так, это приведет к крену, с которым я и сражаюсь в последнее время. Мне кажется, что я слишком много работаю и что мне надо работать меньше. Слишком много сил и эмоций я отдаю работе – семья от этого страдает.

– Хорошо подмечено, Кэти. Но, видишь ли, все зависит от того, что ты называешь своей работой. По-моему, ты понимаешь работу слишком узко. Ты подразумеваешь то, чем зарабатываешь на хлеб насущный. А я под работой имею в виду дело всей твоей жизни. Улавливаешь разницу?

– Не совсем. Что такое «дело всей моей жизни»? – я была озадачена.

– Возможно, дело всей твоей жизни – это растить двух чудесных детишек, которые вырастут и сделают мир лучше, мудрее, прекраснее. А еще я думаю, что дело твоей жизни – это твой сайт и компания «BraveLife.com» и то, как ты преображаешь жизнь других с помощью этого начинания.

– Откуда ты узнал про «BraveLife.com»? – изумилась я. – Я-то думала, ты далек от мирской жизни и уединился где-то в монастыре на вершинах Гималаев, а ты очень даже в курсе всего, что я делаю.

– С тех пор как я приехал, я наводил о тебе справки. Много о тебе читал. Ты здорово продвинулась в области бизнеса, сестричка, и меня это совершенно не удивляет. Кровь не водица, ты вся в меня, – Джулиан, дурачась, с шутливой гордостью постучал себя кулаком в могучую грудь.

– Нечего пыжиться, братец, – смеясь, поддела его я. – Я всего добилась сама, твое влияние тут ни при чем.

– Ты у нас всегда была сама независимость, Кэти. Мне это в тебе всегда нравилось, как и твоя нестигаемость и упорное стремление к совершенству. Но вернемся к нашему разговору. Важнее всего любить дело своей жизни. А также все и всех окружающих. И тогда твоя жизнь волшебным образом переменится.

– А ты видел, чтобы такое случалось на практике? Ну-ка, расскажи!

– Вот послушай, что говорит на эту тему великий философ Халиль Джебран. Какие прекрасные слова он нашел: «Когда работаешь, ты подобен флейте, чье сердце превращает шепот быстро текущего времени в музыку. Делать свое дело с любовью – значит любить труд и жизнь, значит постигнуть главнейший секрет жизни. Работа, которую делаешь без любви, – впустую, ибо работать – значит воплощать любовь в яви». Так что, Кэти, люби свою работу в «BraveLife.com». Отдавайся ей всей душой и заодно будешь повышать качество своей жизни. Но люби и свой труд матери семейства, и свою работу жены Джона.

– Будь по-твоему, – кивнула я, замороженная его словами. – Расскажи все-таки, что именно ты сделал после инфаркта?

– Сначала я принял сознательное решение продать все свое имущество. Путешествовать надо налегке, решил я, а нажитое добро будет только отвлекать меня – занимать мысли и вообще служить балластом. Поэтому я пришел к выводу, что надо оставить себе только самое необходимое. Так что я продал дом, самолет и виллу на острове.

– Да, ты даже «феррари» продал. Когда узнала об этом – ушам своим не поверила, – вспомнила я.

– Честно тебе скажу, я и сам удивился, что меня на это хватило, – с улыбкой откликнулся

Джулиан, поглаживая вышитую кайму своей яркой монашеской рясы. – Ну вот, стало быть, продал я все, что имел, и отправился в Индию, потому что знал: туда едут в поисках смысла жизни и в этом волшебном краю можно получить ответы на самые главные вопросы, которые меня мучили. В моей жизни наступила эпоха необыкновенного духовного накала и насыщенной. Впервые за много лет я почувствовал вкус подлинной свободы. Я знал, что сделал великий шаг и вступил на путь, который приведет меня к совершенно новому пониманию жизни. Джордж Бернард Шоу писал: «Плыть по течению – быть в аду, стоять у руля самому – быть в раю». Впервые за долгие годы я был рулевым собственной жизни и будущего. Я наконец-то ощущал, что начинаю жить по намеченному плану, а не увлекаемый течением, как живет большинство людей. Я стал сам себе хозяином.

– Так оно и есть. В большинстве своем люди живут, повинувшись случайности, подстраиваясь под события, позволяя жизни происходить с ними, а не выстраивая жизнь согласно своим заветным мечтам, – горячо согласилась я, заражаясь энтузиазмом брата.

– Прекрасно сказано, Кэти. Какая ты молодчина! – пылко воскликнул Джулиан и хлопнул себя по коленям загорелыми руками. – Ум у тебя всегда был острый, а оказывается, у тебя еще и сердце поэта.

– Ну, не то чтобы совсем... – Я смутилась.

Потом Джулиан рассказал мне, как путешествовал по Индии, – иногда на поезде, иногда на велосипеде, а то и пешком. Он был в восторге, когда познакомился поближе с местным населением, ведь индусы – народ древней и богатой культуры. Он постигал многовековую мудрость Индии, побывал во многих местных храмах, любовался величественными закатами и древними руинами. Постепенно Джулиан вернул себе детскую способность радоваться жизни и снова научился улыбаться.

– Я часами смотрел на звезды. Я читал множество философских трактатов и делал выписки в свой потрепанный дорожный дневник. Туда же я заносил все озарения, которые меня посещали. Я совершал долгие прогулки с йогами и мудрецами, забрасывая их вопросами: в чем высший смысл жизни? как наполнить свою жизнь смыслом и благодатью? как стать счастливее и здоровее и научиться больше радоваться жизни, пока еще не слишком поздно? Меня также интересовало, как научиться строить по-настоящему глубокие отношения с людьми и как отыскать любовь, которую я утратил, когда Алли погибла, а жена от меня ушла. Я упрашивал йогов и мудрецов, чтобы они научили меня успокаивать лихорадочную работу мозга и прислушиваться к голосу собственного сердца. Мне нужно было обрести внутреннее равновесие и покой и на них, словно на крепком фундаменте, построить новую жизнь – светлую, мудрую, чистую и осмысленную.

– Похоже, ты замечательно провел время в Индии, братик, – сказала я, выслушав его. – Особенно мне нравится идея замедлить лихорадочную работу мозга и научиться ценить простые радости жизни, ведь мы постоянно упускаем их из виду, потому что вынуждены участвовать в гонке, в которой живет весь современный мир. Знаешь, недавно я вырезала из газеты одну цитату, очень она мне пришлась по душе. Вот, смотри, – я выдвинула ящик ночного столика и зачитала Джулиану:

– *Большинство из нас упускает все великие награды жизни. Мы остаемся без Пулицеровской премии, без Нобелевской, без «Оскара», «Грэмми» и «Эмми». Но зато нам доступны маленькие радости и удовольствия жизни. Дружеское похлопывание по плечу. Нежный поцелуй. Самолично пойманный увесистый окунь. Полнолуние. Свободное местечко на парковке. Потрескивание дров в камине. Вкусная еда. Изумительной красоты закат. Горячий суп. Холодное пиво. Так что не переживайте, что не получили Нобелевку и другие великие награды. Радуйтесь маленьким наградам и блаженствам, которые в изобилии дарит вам*

жизнь. Умейте ценить их. Их много – на всех хватит.

– Ах, как это великолепно сказано, Кэти, как это верно! – восхитился Джулиан. – Даже жаль, что не я сам такое написал. Именно так, нужно наслаждаться теми простыми радостями, которые на жизненном пути встречаются буквально на каждом шагу. Я усвоил, что каждый шаг на этом пути хорош и приятен, и не надо откладывать счастье на потом, на будущее – нужно чувствовать его прямо сегодня. А то, знаешь ли, многие люди себе по этой части лгут, обманывают самих себя.

– Объясни толком, я не поняла, о чем ты.

– Запросто. Слушай внимательно, сестричка. Мы говорим себе: «Вот когда я получу то повышение по службе или когда мне поручат тот проект, тогда я буду по-настоящему счастлив». Или: «Вот когда я подниму детей и они пойдут в колледж, тогда заживу по-настоящему, будет больше времени на себя, на развлечения». Мы обещаем себе, что выкроим время полюбоваться закатом, или посмотреть на звезды, или займемся своим хобби, но не сейчас, а потом, завтра, через месяц или год, или несколько лет, или вообще *на пенсии*. А сейчас не до того. Но знаешь что? Это все Большая Ложь Самим Себе. *Счастье появляется не тогда, когда ты берешь очередную высоту и достигаешь чего-либо. Оно появляется, когда ты мыслишь и чувствуешь определенным образом. Счастье не что иное как состояние сознания, и это состояние ты можешь создать сам. Как? Ты будешь счастлив, если научишься правильно воспринимать жизнь и все события вокруг.*

Счастье возникает в твоей жизни, когда ты умеешь быть благодарным за все, что получил, за все маленькие радости и чудеса. Такое состояние сознание я называю Благодарственным Настроением. Мудрец-мыслитель по имени Сесил однажды заметил: «С каждым прожитым годом я все больше убеждаюсь, что мудрее и лучше всего сосредоточиться на прекрасном и благом и как можно меньше обращать внимание на дурное и фальшивое». Еще важнее помнить изречение, что рука дающего никогда не оскудеет, и если ты щедр с миром, то мир будет щедр с тобой. Начни щедро делиться первым – и мир ответит тебе, воздаст сторицей.

Не ставь перед собой цель непременно быть счастливым, потому что счастье не может быть целью, мишенью, ленточкой на финише. Старайся служить окружающим и обогащать их жизнь, сделай своей целью благо других людей, и вот тогда счастье само постучится к тебе в двери. Толстой писал: «Только представьте себе, что смысл жизни – одно лишь ваше счастье. Какой бессмысленной и жестокой была бы тогда жизнь! Надо принять то, что говорят вам мудрость человечества, ваш ум и сердце: смысл жизни в том, чтобы служить силе, которая послала вас в этот мир. Тогда жизнь будет в радость».

– Какие проникновенные слова! – воскликнула я. – Надо будет хорошенько их обдумать – потом, в одиночестве. Нет, ты не уходи, расскажи мне дальше про твое путешествие – потрясающая история.

– Итак, несколько месяцев я посвятил духовным исканиями, самосовершенствованию и личностному росту, – продолжал мой брат Джулиан. – Никогда еще не жил я столь насыщенной духовной жизнью. Но мне все было мало – я жаждал какой-то иной, высшей мудрости, хотел, чтобы кто-то научил меня, как жить осмысленно и радостно. Я умолял йогов и наставников, которых успел повстречать к тому моменту, чтобы они открыли мне еще более глубинные познания и откровения и помогли отыскать еще более сильное просветление. Все они были так благородны и исполнены такой любви, душевного тепла и щедрости, что делились со мной всеми своими знаниями – не требуя ничего взамен. Я знал, что все они как-то связаны с неким таинственным Принципом Процветания.

– Принцип Процветания? – задумчиво повторила я и, распираемая любопытством, села повыше на постели. – Никогда о таком не слышала.

– Это вечный и неизменный принцип самой природы. Заключается он в следующем: *чем больше даешь, тем больше получаешь сам.*

Я на деле убедился, насколько он справедлив. Если хочешь процветания и изобилия, нужно быть щедрым с людьми, чем-то делиться с ними. И чем большего процветания и изобилия ты жаждешь, тем щедрее надо быть. Процветание – это энергия, которая циркулирует в мире, и чем больше ты ее посылаешь вовне, тем больше этой энергии к тебе возвращается. Кстати, в бизнесе Принцип Процветания работает тоже, и претотлично. Чтобы разбогатеть, перестань твердить себе, что хочешь больше зарабатывать, а задайся вместо этого вопросом: как помочь людям, как сделать их жизнь лучше? Когда ты сосредоточишься на том, чтобы улучшить жизнь других, богатство само потечет к тебе рекой. Крепко запомни, сестричка Кэти: деньги – это лишь плата, которую Вселенная посылает нам за то, что мы оказываем услуги окружающим и улучшаем их жизнь. Чем лучше ты сделаешь жизнь других, тем богаче станешь.

– Из твоих слов вытекает, что деловые люди действуют неправильно. Они напрасно гоняются за деньгами?

– Вот именно. Деньги не должны быть основной целью. Они не охотничья добыча, чтобы их преследовать. Деньги – это всего лишь «побочный продукт», который появится в твоей жизни, как только ты изменишь свои приоритеты и поставишь на первое место помощь окружающим. В широком смысле: помогай им жить лучше, воплотить то, о чем они мечтают, и ты разбогатеешь. Как замечательно сказал Виктор Франкл: «Успех, подобно счастью, нельзя добыть или поймать. Он может только прийти сам как следствие чего-то другого. Он не может быть самоцелью, лишь побочным эффектом твоей преданности делу всей твоей жизни, пусть маленькому, но важному». – Джулиан помолчал и добавил: – В Индии, в окружении просветленных, мудрых и человеколюбивых, я осознал, что у каждой жизни есть высшая цель.

– Что, правда?

– Истинно так, сестренка. Все мы пришли в этот мир не просто так, а чтобы совершить подвиги и сделать мир лучше, каждый – по-своему. Недавно мне попала цитата из Джеймса Дулиттла, генерала ВВС США: *«Нас отправили в этот мир не просто так, а с важной миссией. Она состоит в том, чтобы сделать мир лучше. А потому все мы должны быть активными и ответственными членами общества. Если благодаря нашим стараниям Земля станет лучше, чем была до нашего рождения, значит, мы исполнили свое высшее предназначение».*

– Тогда почему так мало людей открывают для себя высшее призвание? Почему так много несчастных, не сумевших реализоваться?

– Потому что мы слишком заняты тем, чтобы копить разное барахло, гоняться за заработком, и потому что нам некогда подумать о Подлинно Важном. Знаешь, тут очень кстати будут слова одного дзэнского наставника: «Все стараются получить и накопить побольше, а я каждый день стараюсь жить попроще». Если бы мы только замедлили шаг, нажали кнопку «пауза» и на время прекратили гонку, то смогли бы посмотреть на себя и жизнь со стороны, шире, осознать ее истинный масштаб. Вот тогда мы бы поняли, зачем нас отправили в этот мир и что нам надлежит делать. Я знаю, ты сейчас слышать не можешь о самолетах, но у меня в запасе образное выражение про самолет, так что потерпи – я должен им с тобой поделиться.

– Ты прав, меня трясет от одного упоминания о самолетах, но все равно продолжай.

– Кэти, не волнуйся. Я беседовал с твоим лечащим врачом и с другими врачами из числа моих друзей, лучшими в стране. Они читали твою историю болезни, видели рентгеновские снимки. Все в один голос говорят, что ты поправляешься, что скоро ты будешь на ногах, что процесс выздоровления идет полным ходом. Я знаю, ты пережила настоящую трагедию, и поверь – я здесь, чтобы помочь тебе, а не чтобы мучить. Но все-таки метафора про самолет нужна, уж извини, потому что с ее помощью я хочу тебе кое-что объяснить. Итак, представь, что

ты летишь в самолете на высоте 35 000 футов. Если ты посмотришь из иллюминатора, то у тебя будет полная картина земли внизу. А если ты смотришь вокруг, стоя на земле, то иногда за деревьями не видишь леса. Понимаешь? Уловила?

– Да, ясно. Нужно подняться повыше и тогда увидишь картину в целом.

– Умница. Поэтому нужно как можно чаще прекращать гонку, подниматься над суетой и смотреть на жизнь в целом.

– Нужно чаще летать? – в недоумении спросила я.

– Да нет же! Я к тому, что нужно чаще подниматься над суетой, и тогда увидишь целиком всю свою жизнь и поймешь, какое место в ней занимаешь и как жить, и в чем твои приоритеты. Нужно чаще смотреть на себя и жизнь со стороны, с высоты птичьего полета, тогда ты сможешь своевременно исправить дело, если взяла неверный курс. Тогда ты достигнешь цели. А большинство людей никогда не поднимается над суетой и так и мчится неверным курсом, не понимая своих приоритетов. Или поднимается, но слишком редко. Мыслительница Джоанна Смит Берс сказала: *«Нам надо определить собственные приоритеты: что для нас самое ценное, важное, дорогое, каковы мечты, которые влекут нас вперед, и строить свою жизнь на этих приоритетах. Это нужно не только для того, чтобы прожить и выдержать очередной день. Каждый день должен становиться ступенькой на пути к какому-то важному достижению, мечте всей нашей жизни. Мы должны отвечать за свои поступки и судьбу и за мир, в котором живем. Тогда мы будем жить в ладу с собой и миром».*

– Да... – задумчиво протянула я. Эти слова нашли отклик в моем сердце. Никогда раньше не было афоризма или цитаты, которые бы так задели меня за живое. В голове у меня лихорадочно проносились десятки мыслей: я пересматривала всю свою жизнь и вспоминала о приоритетах, которыми пренебрегала слишком долго и упорно. На первый план выступили мысли о семье. Я тосковала по Портеру и Сарите. Я беспокоилась, как там Джон и чем он занят. Я снова начала обещать себе, что изменю свою жизнь, свой график, чтобы уделять детям и мужу больше внимания, – дайте срок, вот только выпишусь из больницы – и начну все с чистого листа! Затем я взглянула на Джулиана, который сидел передо мной. Брат всегда был выдающимся человеком, но теперь он поднялся на удивительную высоту, не сравнить с ним прежним. Былой Джулиан был обаятельным, хватким, смекалистым. Новый Джулиан был просветленным и умудренным. И таким он мне нравился еще больше.

– На чем ты остановился? Ты рассказывал, как стал просить у наставников высшей мудрости? А что было дальше, Джулиан?

– А дальше я узнал кое-что потрясающее и открыл в себе такие грани, о которых и помыслить не мог, – Джулиан вольготно расположился в кресле для посетителей, вытянув длинные ноги и закинув руки за голову. В глазах у него плясали живые искорки, выражение лица ежесекундно менялось. Я слушала его, как загипнотизированная, и ловила каждое слово как откровение.

– Несколько месяцев я добирался на север Индии. До меня доходили слухи, что где-то на заснеженных вершинах Гималаев живут удивительные монахи. Легенда гласила, что это мудрецы, каких не видывал свет. Их называли «Великие мудрецы Сиваны». «Сивана» на местном наречии означает «оазис просветления». Так вот, эти отшельники будто бы разработали какое-то поразительное учение, которое позволяет достичь небывалых высот владения собой, просветления, самореализации и осознанности. На основе древней мудрости, уходившей корнями в глубь веков, монахи создали практический кодекс – свод правил, по которому они живут, и жизнь их исполнена высшего смысла, душевного покоя и в то же время радости и счастья. Только вот незадача: ни одна живая душа не знала, как отыскать этих отшельников. Поговаривали, что многие страждущие отправлялись на поиски, но погибали на

заснеженных склонах суровых Гималаев.

Джулиан налил себе чаю в мою чашку, отхлебнул и продолжал свой рассказ.

– Но ты же меня знаешь, я всегда был рискованным парнем, – улыбнулся он. – Недаром папа говаривал нам: «На закате дней мы будем сильнее всего жалеть о том, что вовремя не рискнули, что струсили и упустили прекрасные возможности». Помни, Кэти, *на одной чаше весов лежит страх, но на другой чаше всегда лежит свобода*. В общем, я махнул рукой на осторожность, оставил страхи и отправился в Гималаи, исполненный решимости отыскать таинственных монахов, чего бы мне это ни стоило. Я положил себе во что бы то ни стало добраться до источника высшей мудрости. Не найду монахов – значит, умру в поисках, так тому и быть, решил я. По крайней мере, я попытаюсь их найти. Много дней и ночей провел я в пути, карабкаясь по острым неприступным скалам и поднимаясь все выше в горы. Неоднократно я оказывался на краю гибели, терпел страдания и лишения, но не сдавался, потому что там, в Гималаях, встретился с небывалой красотой, какой больше нет нигде в мире. Суровая и простая красота гор проникла мне в самое сердце. В моей душе совершался переворот. Я ощущал себя частью огромного мира, Вселенной, ощущал себя песчинкой. Однако у меня не было ощущения собственного ничтожества или бессилия, и я продолжал путь, несмотря на адскую усталость. Мне придавала сил надежда, что я уцелею и все-таки отыщу мудрых монахов. Ты ведь знаешь, я всегда полагал, что упорство – это качество, которое всякому должно пестовать в себе, чтобы воплотить мечты всей своей жизни. Как сказал Анатоль Франс: «Некоторые добиваются успеха, потому что им так предназначено судьбой, а некоторые – потому что упорно стремятся к этому».

Конец ознакомительного отрывка книги

[Скачать полный вариант книги](#)